

12 НОЯ. 42

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА

Эта чудесная, вдохновенная поэма о грозных днях войны и грядущей победе над звериным фашизмом была исполнена 8 ноября под управлением заслуженного артиста СССР Л. Брагинского в концерте, посвященном 25-летию Октябрьской революции. Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича, удостоенную недавно Сталинской премии, исполнял объединенный состав Государственного симфонического оркестра СССР и оркестра Таджикского государственного театра оперы и балета, состоящий из 100 человек.

Создание седьмой симфонии — замечательного памятника нашей эпохи — выдающееся событие, далеко выходящее за пределы чисто музыкального явления. В простых и предельно выразительных звуках, рисующих музыкальные образы огромной художественной силы, она повествует о мужественном и свободном человеке нашей родины, в сердце которого живет острая ненависть к врагу, беспредельная решимость отстаивать свою свободу и счастье, непоколебимая уверенность в победе над черной фашистской реакцией.

Первая часть симфонии производит потрясающее впечатление. Собственно говоря, эта часть — сама по себе законченная симфония, естественно расчлененная на четыре части: вступление, тема войны, реквием и финал. Вступление — бодрое и лаконичное, — словно вступление к оратории Генделя — сразу приковывает к себе внимание. Это — «тема героя», переходящая затем в другую, чарующую своим лиризмом тему, рисующую мирную жизнь советского человека.

Центр тяжести, однако, в следующей части, посвященной теме войны. На фоне дробы малого барабана тема эта возникает у струнных инструментов. Удары деревянных смычков о

струны звучат настолько грозно, что заставляют насторожиться. Последние два такта сжато повторяют оди и те же интервалы, и это накладывает на всю тему отпечаток какой-то беспощадности. Тема эта не разрабатывается, а повторяется 12 раз все на том же фоне жуткой барабанной дробы, в непрерывном нарастании темпа и перемене тональности. Внешне это напоминает «бодеро» Раваля. Обогрываясь разными группами инструментов (контрабасы, низкая медь и др.), она остается в то же время неизменной. Это нарастание и разнообразное звучание основной мысли как бы гипнотизирует слушателя. Трудно подобрать другое слово для характеристики впечатления, которое оставляет этот фрагмент симфонии. Мастерством инструментовки Шостакович превосходит здесь всех композиторов нашего времени. После Берлиоза такого новаторства в оркестровке не было. На протяжении получаса вы слушаете, как повторяется одна и та же тема, больше ничего, — и это заполняет все ваше сознание. Нет ничего — есть только страшная тема войны, неутомимо на вас надвигающаяся, потрясающая все ваше существо.

Творчество Шостаковича необычайно разносторонне: с одной стороны — квартет и квинтет, с другой — последние симфонии — мужественные, жизнеутверждающие, целеустремленные. Это как будто разные стихи, однако одно остается неизменным во всех этих столь разных по характеру творениях композитора — блеск и остроумие в самом широком и глубоком смысле этих слов. И в последней — седьмой — симфонии вторая часть (скерцо) по блеску превосходит все остальное. Это самое ослепительное из всего, что до сих пор написал Шостакович.

В последних двух частях симфонии, слитых в одну, есть чудесные

лирические эпизоды, отчасти напоминающие Чайковского. Они являются вызовом и противопоставлением всему звериному, что несет с собой фашизм — страшный враг человеческой культуры.

Торжественный, лучезарный финал симфонии символизирует победное наступление и ликование, которым закончится наша борьба во имя свободы, чести, справедливости. Глубоким оптимизмом проникнут финал гениального музыкального произведения, созвучного нашей эпохе, рождоубийцы героев. Каждый звук этой симфонии направлен против душителей культуры, варваров и дикарей, которым никогда не сломить нашей твердости, воли к свободе и счастью, веры в победу.

Седьмая симфония, написанная Шостаковичем в осажденном Ленинграде под грохот и взрывы рушащихся снарядов, в целом программна. Грандиозный ее размах невольно вызывает сопоставление с «апофеозом свободы» — девятой симфонией Бетховена — и с «Фантастической симфонией» Берлиоза. Несмотря на сложность музыкальной архитектуры, седьмая симфония доступна и понятна, как все великие музыкальные творения.

Исполнена была симфония благородно и величественно. Объединенный оркестр звучал превосходно. Каждая фраза передавалась настолько четко и ясно, что совсем не ощущались неминуемые трудности сложной партитуры.

Этот концерт, явившийся праздником для всех любителей музыки, свидетельствует о высоком уровне музыкальной культуры Сталинабада в наши дни.

Проф. М. Я. СЕРЕЙСКИЙ.
Действительный член Государственного института музыкальных наук в Москве.